

Т. И. Рожкова Т. I. Rozhkova
(Магнитогорск) (Magnitogorsk)

«Мне украшало это жизнь»: писательство в повседневности народного автора **«It colored my life much»: The writing progress in a folk author's life**

Аннотация

В статье, на основе анализа архива народного автора И. П. Максимова, поднимается проблема изучения писательских принципов народных сочинителей. Выявляются антропологические и социологические причины полувековой писательской деятельности И. П. Максимова, прослеживается изменение содержания и функций ежедневных записок, обращается внимание на отношение к его сочинительству близких и окружающих. Центральное место в работе занимает анализ тетради, связанной с описанием круга народного календаря. Критическая реакция Максимова на журнальную публикацию, искусственно объединившую собранный из разных источников материал народного календаря, дает основание говорить об особом ценностном пространстве народного писателя. В данном случае, низовая письменность, как одна из форм культурного дискурса, оказалась враждебна стереотипу, упрощающему понимание сложных социальных и культурных процессов, враждебна разрушению смысла слов взятых из народной речевой практики.

Ключевые слова: народная письменность, народный автор, язык описания, стереотип, ценность

Abstract

The article is based on the analysis of Maksimov I. P.'s archives and deals with the problem of studying some folk authors' writing principles. There are discovered anthropological and sociological reasons of half-a-century writing work belonged to Maksimov I. P. Moreover, this article tracks some changes in the context and functions of everyday notes and it also pays attention how his relatives and other people treated his writing work. The central point of the article analyses a notebook connected with the description of a folk calendar circle. Maksimov's critical reaction on a magazine article that combined folk calendar material from different sources gives the right to speak about special values in a folk writer's environment. In this very case downstream writing that is one of cultural discourse forms has become hostile towards the stereotype which makes it easy to understand complex social and cultural process. It has also become hostile towards destroying the meaning of words inherited from folk discourse practice.

Keywords: folk writing, folk author, description style, stereotype, values

DOI: 10.31860/0136-7447-2018-36-219-230

Богатство письменных форм народной культуры в собирательской практике фольклористов — вещь не случайная, говорящая о расширении предметной сферы дисциплины, росте ее исследовательских амбиций. Встреча

исследователя с материалом народного письма — всегда подарок и источник профессионального вдохновения.

В экспедиции 2012 года нам представили Игоря Павловича Максимова (1921–2017) как местного писателя-краеведа¹. Традиционные расспросы по истории села обнаружили, что Игорь Павлович давно ведет дневники, будущее которых было для него проблемой («Кому передать?.. Этот вопрос нет, нет, да и встанет в голове»). Знакомство с изданиями лаборатории, наша принадлежность к одному вузу, общая память повлияли на его решение передать дневники в лабораторию².

По семейному преданию, Максимова — крестьяне семьи Аксаковых. В конце XVIII века их переселил из Поволжья на речку Ря Тимофей Степанович Аксаков³. В церкви села Надеждино венчался дед, Пахомов Архип Максимович, «крепкий мужчина. Волосы подстрижены под горшок»⁴. Из Куроедова была вторая жена деда, Анисья Маркеловна. Игорь Павлович хорошо помнит сочинения Сергея Тимофеевича Аксакова, книги которого прочитаны им внимательно и не один раз.

Родители Игоря Павловича встретились в Иркутске в годы революции, куда отец попал «вместе с колчаковцами» и, «чтобы не расстреляли», сменил фамилию. Ее он выбрал по отчеству отца: «...отец Архип Максимыч, чтобы запомнить, он стал Максимовым»⁵. В годы репрессий на строительстве Беломорканала трудились родственники со стороны матери. Мужчинам этой семьи тоже пришлось взять другую фамилию: так в семье Киняпиных появились Рыбкины⁶.

Игорь Павлович родился в Иркутске. Перед рождением второго ребенка (брата Николая) семья решила вернуться на родину в Аксаково. В 1931 году Максимовых раскулачили и выслали в Ермотаево, что у подножия горы Юрматтау в Башкирии. Сначала «пригнали» мужиков рубить бараки, затем приехали «бабы с ребятишками». Так «появились эти страшные поселения почти голых,

¹ Экспедиция лаборатории народной культуры Магнитогорского государственного университета работала в пос. Тукан Белорецкого р-на Республики Башкортостан.

² Игорь Павлович Максимов в 1942 году закончил Магнитогорский педагогический институт. Мы подарили Игорю Павловичу издания лаборатории, основанные на воспоминаниях и дневниковых записях других народных авторов: *Костин Г.И.* Корни и отростки древа Костиных (за прошедшие 345 лет). Магнитогорск: Изд-во тип. ун-та, 2008. Т. 1–3; *Державин А.Н.* О войне из войны: народная письменность 1941–1945 гг. Магнитогорск: Изд-во тип. ун-та, 2015. В настоящее время архив И.П. Максимова находится в обработке. Он содержит более трех десятков разных по объему тетрадей с хозяйственными записями, дневниками, папками с рукописями, черновиками собственных сочинений; с деловыми и личными письмами. Бумаги уложены в небольшой деревянный сундук.

³ Архив ЛНК. ЭК-47, 2012. С. 23.

⁴ Архив ЛНК. Ф. 41. Оп. 2. Тетрадь воспоминаний 1992 года. Запись от 28–29 декабря.

⁵ Архив ЛНК. ЭК-47, 2012. С. 45.

⁶ Архив ЛНК. ЭК-47, 2012. Там же.

обносившихся и голодных, сорванных с родных мест» людей, — писал Игорь Павлович, подступая к задуманной книге о жизни ссыльного мальчика «На мытарствах»⁷. Расстояние, по меркам географии, незначительное; вместе с тем это была совсем другая жизнь: «голодная и трудная», «разговоры спецпереселенцев — с шепотом и таинственными приниженными взглядами, убитыми: то потухшими, то вспыхивающими опять тихими и злыми огоньками на мгновение. Как бы кто не услышал? «Заест, посадит комендант. Не-вы-бе-решь-ся! — как говорила мама»⁸.

Травматический опыт прошлого в сознании бывшего спецпереселенца — отдельная тема научного описания. В разговоре с Игорем Павловичем лета 2012 года многие уточняющие биографию вопросы оставались без ответа, наша настойчивость выглядела неприлично: «Я же прижатый, я же извергнутый, я же не человек, понимаете вот все это дело»⁹.

По выражению Игоря Павловича, «хаосу много, но *человеки* выглядывают из него», так и он, всегда стремился изменить свою жизнь. В 1939 году «случай» («я как беглец») помог поступить в Магнитогорский институт, получить профессию учителя русского языка, литературы и истории. В годы войны бывшего студента отправили на ускоренное обучение в Омское артиллерийско-минометное училище, воевал на «Катюшах», прошел с боями Болгарию, Румынию, Австрию. К родителям в Ермотаево, осенью 1945 года, вернулся гвардии лейтенант, командир огневого взвода Максимов Игорь Павлович:

«Вошел в сени, а папа табак сушил в сенях, на палки связками вешал.

— Игорь! — и чуть не упал, стоя на табуретке, выронил связку. — Лид! Игорь пришел! — закричал, заплакал.

— Да не может быть! Да, Игорь, ты Игорь... — закачалась из стороны в сторону, прижав ладони к вискам, маленькая, худая, кривоногая, старая уже. Сколько лет не виделись. И жалко ей стало, что упустила она того, мальчишку почти, а явился парень окопный, с орденом и тремя медалями, раненый и контуженный и глуховат потому, в потной зеленой гимнастёрке, а ехал как?! Только бы в Тукан, только бы в мою сторону...»¹⁰

В мирной жизни статус воина-победителя, успехи учительства не защищали от напоминаний в неблагонадежности, да и ему казалось, что он виноват в чем-то «отцовском»: «Я бывшего спецпереселенца сын. Я ущербный. Боль, чувство униженности, неполноценности как человека, ожидание плевка, который может последовать в лицо от каждого (Марго в прошлом году — «сын кулака» сказала, Добров в характеристике налгал, наврал, наплевал на меня). Гад,

⁷ Архив ЛНК. Ф. 41. Оп. 2. Дневник 1993 года. Запись на обложке.

⁸ Архив ЛНК. Ф. 41. Оп. 2. Энциклопедия творческих откровений (1985–1990?). С. 294.

⁹ Архив ЛНК. ЭК-47, 2012. С. 22.

¹⁰ Архив ЛНК. Ф. 41. Оп. 2. Дневник 1975–1979 год. Раздел «Осень-мокруша».

воет б..., чтоб ему перевернуться в могиле!!!)»¹¹. В октябре 1988 года Максимов прочел книгу Анатолия Рыбакова «Дети Арбата» (1987) и воспринял ее сюжет как свою собственную историю. Отдельные страницы (сцены допросов, причины ссылок) переписал в дневник. Эмоциональное состояние читателя Максимова передают следующие строки: «...и такое чувство страха, что не успею, что надо спешить, как бы и меня, и со мной не случилось Сашино приключение совершенно случайно. Вот как я напуган, напуган той старой жизнью, какое во мне это страшное, тревожное чувство опасности за завтрашний день. Успею ли дочитать здесь, на свободе?»¹². Несмотря на политическую риторику времени перестройки, вместе с воспоминаниями вернулось чувство страха. Ситуация в стране вызывала недоверие, в дневнике Максимов задается вопросом: «А чем вся эта перестроечность в жизни: делах и мышлении, кончится?»¹³.

Письменная деятельность народных сочинителей определяется разными жизненными установками. Судя по запискам военного времени, у Максимова с молодости была любовь к писательству, тяга к фиксации повседневности. После войны И. П. Максимов задумал стать профессиональным писателем, в 1947 году «колотился в университет». Работая сельским учителем, вошел в сообщество народных корреспондентов, печатал свои стихи и рассказы в газетах «Белорецкий рабочий», «Урал». В последние годы за свои книги И. П. Максимов получил две региональные премии, поощряющие творчество самодеятельных авторов¹⁴.

К дневникам Игорь Павлович первоначально относился как к «мастерской» слова, на его страницах деловые записи перемежаются с черновыми фрагментами будущих стихов и рассказов. До 1972 года (до 50 лет) архив И. П. Максимова представляет собой разрозненные тетради, к шестидесяти годам вовлеченность в описание повседневности более ощутима, записи становятся регулярными, подробными, исповедальными.

На обложках дневниковых тетрадей Игорь Павлович записывал мысли, передающие настроение на данный отрезок жизни. Выстроенные в хронологической последовательности, они дают представление о целях его писательства. На обложке тетради 1971 года мы находим значащую филологическую характеристику: «Заметки». В 1976 году (автору 46 лет) Максимов решает сосредоточиться на анализе профессиональной деятельности: «Еще в Белорецке я думал вести дневник директора школы. Получится ли? Что? Дневник или директор? Если получится второе, то получится и первое». На обложке тетради 1982 года (автору 60 лет), мы встречаем запись, позволяющую предположить, что задачи ведения дневника серьезно расширены: «Я хочу сказать дорогое о жизни, своем

¹¹ Архив ЛНК. Ф. 41. Оп. 2. Дневник июль 1769 — июнь 1971. Запись сделана позднее: 19 апреля 1972 года.

¹² Архив ЛНК. Ф. 41. Оп. 2. Дневник 1988–1989 гг. Запись после 12 октября 1988 года.

¹³ Архив ЛНК. Ф. 41. Оп. 2. Дневник 1988–1989 гг. Запись от 10 октября 1988 года.

¹⁴ Премия имени Яныбая Хамматова и премия имени Степана Злобина.

детстве, учебе, войне и детях и работе в школе с 1940 года». Обложка дневника 1991–1992 годов содержит еще более конкретную цель: «...идет подготовка, заготовка материала для рассказа о жизни и о себе». Очевидно, что по мере накопления материала появляется желание написать автобиографическую книгу. Обложка дневника 1993 года сохранила заглавие задуманного сочинения: «“На мытарствах” — моя будущая книга».

В бумагах Максимова много разрозненных листов и сопутствующих дневникам дополнительных тетрадей с воспоминаниями. В 90-е годы была заведена отдельная тетрадь «Ермотаево 1932–92–93», в ней — план будущей книги из четырех десятков пунктов, но работа стояла на месте и крутилась вокруг нескольких сюжетов. В апреле 1990 года Максимов переписал в свою «Энциклопедию творческих откровений» рассказ М. Пришвина «Кукушка», задал себе вопрос «зачем списал» и сам на него ответил: «Да я все собираюсь, собираюсь сделать это “большое дело” — описать жизнь “спецовства”, отца в Аксакове и Рябаше, ссылку в Ермотаево, жизнь в спецпоселке, учебу и годы “огневые”, когда нас, уцелевших подранков от раскулачивания, опалило войной, а кого-то и сожгло, поджарило войной дотла, напрочь. Как жили подранки, как они воевали, какими они были там со мной, я помню, я знаю, но вот диво-дивное, чудо-чудное, никто из детей моих по-настоящему и не интересовался моей жизнью “той” и не спрашивал. Только Петя раз сказал: я и не думал, что жизнь деда и бабушки так связана, слита с революцией, гражданской; а Аля даже подарила общую (привезла) тетрадь с надписью-просьбой описать мою жизнь. Но тут я и заглох. Все собираюсь, жду свое “ку!”»¹⁵. Собственные страхи и жизненные проблемы изменили смысл его писательской деятельности в сторону фиксации повседневности: «Вот я веду уж много лет, записываю все, что есть — все, все личное. И когда-нибудь, если уцелеют мои записки, людям станет интересно читать, как мне было интересно читать записки Щербатова, Давыдова (эти-то читал) и др.» (обложка дневника 2014 года, записано 17 марта). Ко времени нашего знакомства Игорь Павлович понимал, что сил написать книгу не хватит, «лабораторно-подготовительный период» сильно затянулся. Он с удовольствием поддерживал наши разговоры о том, что сам факт описания повседневных событий жизни может оказаться значительнее ненаписанной книги. Передавая дневники в архив лаборатории, Игорь Павлович сказал: «Мне украшало это жизнь», что и стало заголовком настоящей статьи.

Мечта о профессиональном писательстве, зародившаяся в 1942 году в голове выпускника филологического факультета Максимова Игоря Павловича, не оставляла его всю жизнь. Первоначальные упражнения на страницах дневника в художественной словесности (стихах и прозе) сменяются желанием создать автобиографическое полотно о спецпереселенцах («чтобы знали, как я жил, прожил свой век»). Писательство было для него способом осмысления

¹⁵ Архив ЛНК. Ф. 41. Оп. 2. Энциклопедия... С. 276. Дата записи: 12.04.90 г.

исторического хаоса, возможностью рассказать о судьбе родителей, родственников, погибшего на войне брата Николая («чтоб высказаться»). На склоне лет фиксация повседневности, проживание дней жизни выходят на первый план. Он занят обдумыванием творчества, литературных и личных событий. Дневник дает возможность свободного диалога, чего не было в реальности, чего он «страшился», сохраняя дистанцию между собой и окружающим миром, между дневниковым словом и словом печатным: «...я трус, наверное, и не могу глянуть правде в глаза, а другие — видят ее?»¹⁶.

Тетрадь, о которой пойдет речь далее, одна из тридцати. На ее обложке два заголовка: «Народный календарь, приметы, цитаты, стихи. 1975. Ноябрь, декабрь» и «Погодник Максимова Игоря Павловича». С перерывами она включила записи 1975-79 годов. Основной материал тетради — фольклорный, в ней составлялся подробный календарь народных праздников на основе статьи Бориса Рыбакова, опубликованной в журнале «Уральский следопыт»¹⁷. Материал Б. Рыбакова Игорь Павлович дополнял: подклеивал листы отрывного календаря, вырезки из газет, собственные наблюдения за погодой и природой в Башкирии. Чужие материалы он прорабатывал, подчеркивал нужные строки, оставлял комментарий на полях. В частности, на полях заметки «Месяц-водолей», где статус автора обозначен должностью («председатель президиума районного общества охраны природы»), мы находим следующее замечание — «а это все списано». В подобных публикациях авторы или не указывались вообще, или были корреспондентами с мест¹⁸. Максимов в эти годы тоже принадлежал к их среде: посещал кружок селькоров и печатал статьи о природе¹⁹. В селе знали, что ночами он читает, пишет; знали, что отправляет в газеты. Со своими стихами он выступал на праздниках, митингах, школьных мероприятиях.

Первый гонорар Максимов получил в сентябре 1972 года. Талон к почтовому переводу подклеил в дневник и написал следующие строки: «Мой первый в жизни гонорар, вдруг неожиданно получил.

И в сердце холод, и в брюхе жар,
Как лихорадкой я измучен.
Глазам не верю: рубль цена всего?

¹⁶ Архив ЛНК. Ф. 41. Оп. 2. Дневник август-октябрь 1972 г. Запись 20 октября 1972 г.

¹⁷ Рыбаков Б. Народный календарь // Уральский следопыт. 1978. № 1. С. 32–49.

¹⁸ Примеры публикаций примет народного календаря, вклеенных в тетрадь: «В народе говорят...» Собрал В. Мионов пос. Болшево Московская обл.; «Народный календарь. Май» собрал Н. Шевкунов г. Октябрьский, Башкирская АССР; «Времена года. Февраль»; «Календарь Урала. Май — венец весны»; «Последний месяц осени» А. Бурков, инженер-лесопатолог лесохозяйственного объединения и др.

¹⁹ Публикации этой темы И.П. Максимова: Октябрь // Белорецкий рабочий. 1990. 20 октября; Июнь // Белорецкий рабочий. 1991. 30 июня; На грибах // Белорецкий рабочий. 1991. 31 августа; Трубят журавли! // Белорецкий рабочий. 2013. 10 апреля; Последний воз // Урал. 1986. 5 мая.

За все стихотворенье.
Так это нищему сума,
А в той суме — и вдохновенье,
И ночи страстное мученье,
И поэтический огонь, и пыл, и страсть.
Мученье долгое над словом.
И кончилось все как раз одним целковым»²⁰.

Игорю Павловичу было уже за пятьдесят, была возможность перебраться из разрушающегося в Ермотаево отцовского дома в поселок Тукан. Он этого не делал, и окружающие посмеивались: «Когда к нам во двор, ужаснувшись тесноте, неудобствам, зашел Лыгин Николай (муж Ек. Арх.), он сказал: “Вот да! Где И. П. живет, умный дурак, что же он себе не сменяет квартиру. Уже 15 лет”²¹. В дневник вошли разговоры с женой по поводу его писательства: в селе говорили “записался”, “не знай, ненормальный”. Тоня настаивала: “Брось ты эти стихи, брось. Как ему охота. Голова болит, а он пишет стихи. Брось. Думаешь, писателем будешь”; “подладить бы пол в сарае, а ты пишешь? Ну что это тебе даст? Брось”²². Когда в адрес Максимова стали приходиться значительные гонорары, ситуация на некоторое время менялась. Дополнительные деньги в семью делали свое дело. «Я получил гонорару 13 рублей»²³ за октябрь 1976 г. из “Урала”. Даже жена обняла и не шипела, и не косырилась, что я пишу. А то: занимаешься хр... ной!»²⁴. Почтовые квитанции на перевод он традиционно вклеивал в дневник и делал пометки на память. Но и после получения приличных денежных премий писательство продолжало расцениваться женой как бессмысленная трата времени на фоне ежедневных забот сельского жителя: «И они потом мне 45 тысяч за эту штуку... Так что моя Тоня заткнулась и молчала... недели две-три..., а потом я сижу, когда пишу, она говорит: “Хреновиной занимаешься, иди дрова коли, или иди поли, или жуков лови...” И так дальше, понимаешь»²⁵.

Начало работы над конспектом статьи Бориса Рыбакова датируется 6 декабря 1978 года. Борис Васильевич Рыбаков представил читателям свою публикацию, как итог десятилетнего собирательского труда («долгие-долгие годы по крохам»). Позднее он дополнил свои материалы и издал отдельными книжками-миниатюрами²⁶. И. П. Максимов, по всей вероятности, считал, что ему бу-

²⁰ Ф. 41. Оп. 2. Дневник август-октябрь 1972 года. Запись 13 сентября 10 часов вечера.

²¹ Архив ЛНК. Ф. 41. Оп. 2. Дневник август 1971 — февраль 1972 года. Запись 2 февраля.

²² Архив ЛНК. Ф. 41. Оп. 2. Дневник август-октябрь 1972 г. Дополнительная запись от 18 февраля 1973 г.; Дневник 1988–1989 г. Запись от 18 сентября 1988.

²³ Так в дневнике. Думается, Игорь Павлович сознательно использует это просторечие.

²⁴ Архив ЛНК. Ф. 41. Оп. 2. Дневник 1976 года. Запись от 3 декабря.

²⁵ Архив ЛНК. ЭК-47, 2012. С. 35.

²⁶ *Рыбаков Б. В.* Народный календарь. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1980. 110 с.; Народный календарь: Нар. приметы, пословицы, поговорки. / Худож. Г. Кетов [2-е изд.]. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1990. 269 с.

дет полезно иметь материал Рыбакова под рукой, но при переписывании его дополнял. Такие фрагменты он помечал словами «мое» или «дальше мое». В дополнениях Максимова обозначены информанты: соседи, знакомые, случайно встреченные люди (Андрей Александров-хромой, бабка Смирнова — Бугриха, Сергей Гридневский, дежурный на станции Белорецк и др.). Иллюстрирующим примером может стать следующая запись:

«19.03. Дарья. Не повезло этой святой. Уж больно неблагозвучными прозвищами наделил ее народ. Я в Белорецке от дежурных слышал так: «Дарья — обсери прорубь». Значит, грязные проруби бывают от скота, что поят. Дарья — обгадь прорубь (покультурнее). Виновато солнышко, припекает, вытаивает навоз, зазеленел навоз у прорубки»²⁷.

Игорю Павловичу не удастся удержать тему в границах народных примет, к датам календаря цепляются события собственной жизни, привязываются «автобиографические узлы»: «Я родился на Николу вешнего, т.е. 9+13=22 мая. Мама хотела назвать Николаем, но папа запротивился...»; «Лето отрадное, а я добавлю, а кому — “страдное”. Мне, например. С 1947 по 1978. Да и детство все покосное. Затем и ребята в города поразъехались. А хорошо, наверное, когда есть братья, сестры? Моего — убили, погиб в 1942 в августе севернее Москвы, где-то под Ржевом»²⁸. В датах весеннего календаря размещены воспоминания детства: «Я помню малым — выйдешь из поселка на Комаровскую гору на выруб, наст будто мукой серебряной присыпан, держит, — и вдруг — Ух-х — сойдет с места и ты с ним и вся округа, побегут тонкие нити трещин синие, и пластинами точно белые паркетные мраморы заискрятся на солнце»²⁹. В датах осени — воспоминания о дороге домой после войны.

Личного в конспекте календаря становится много, и пишущий вынужден себя одергивать: «Ну-ка, приметы, Пальч!». Тетрадь настолько обросла воспоминаниями, что на ее обложке появляется уточняющее название — «Погодник Максимова Игоря Павловича», в значении — погодные автобиографические записи. Появляются мысли о смене адресата записок: «Будет ли это когда-нибудь опубликовано — сомневаюсь, зачем это людям, а вот Свете или Анрюшке будет, возможно, интересно, как жил дед-фронтовик, когда вставал, как трудился»³⁰. В 1980 году тетрадь была подписана сыну: «Когда умру, дарю Пете это на память. Еду в больницу, в Белорецк».

Остановимся на анализе страниц, где Максимов замечает «некомпетентность» публикатора «Народного календаря». Сначала фраза Б. Рыбакова «от заморозков освобожден только июль», вызывает реплику: «Но у нас,

²⁷ Архив ЛНК. Ф. 41. Оп. 2. Дневник 1975–79 годы. Запись от 19 марта 1978 г.

²⁸ Там же. Запись от 9, 17 декабря 1978 г.

²⁹ Там же. Запись от 7 декабря 1978 г.

³⁰ Там же. Раздел «Июль».

в Белорецком краю и это бывает»³¹. Тема летнего покоса породила серьезный конфликт И. П. Максимова с Б. В. Рыбаковым, который мы склонны рассматривать, как конфликт двух языковых сознаний.

«Настала сенокосная пора. Чуть свет — на луг! Сверкает отточенная коса, визжат под нею травы!», — пишет корреспондент журнала «Уральский следопыт» и современный читатель склонен ему доверять³². Фраза выглядит обычно, ничто не смущает наше восприятие, ибо большинству давно неведомы тонкости сенокосной страды. Иное дело — восприятие этих строк человеком, детство и вся жизнь которого были «покосными».

«Какая чушь, — комментирует Максимов, — визжат травы. Не визжат — а шумит, шипит, а коса “вжикает”, взвизгивают косы, вжик, а травы — шумом ложаться»³³. В выражении «визжат травы» он увидел отсутствие «естественно-жизненной» наблюдательности, сконструированное, воображаемое представление о косьбе. Для Максимова-читателя значимо, что автор не использует в своем описании общеупотребительные в народе слова или путает их значение: «В стога не кладут... Стога мечут, стога ставят»; «не валок, а ряд, рядок»; «Не перетрясать, а ворочать ряд! — перетрясают, когда стог загорит, разберут, сушат и тут перетрясают, или еще когда в валах нахлещет дождь, тоже перетрясают, сушат»³⁴.

Другая сторона его замечаний связана с идеализацией изображения сенокоса. «Легко срезает такую траву “коса”», — пишет Б. В. Рыбаков. «Да не коса, а человек! — отвечает ему И. П. Максимов, — Ведь говорят: что это ты как косишь? — Тяжело, — отвечает, — трава болотна очень. — Вот ведь как бывает! А не коса срезает, человек косой срезает, человек, спина натужена, другой раз застоится, заколодит, закаменет, не разогнешься, не разогнуть!»³⁵. Максимов сознательно выстраивает целый ряд глаголов передающих физическую усталость человека после косьбы, и начинает предполагать отдаленность автора от описываемого предмета: «я удивляюсь беспомощности, детскости представления, наивности автора, когда он пишет о покосе...»³⁶.

Выражения «жаркое сено» и «прятать лето в душистые стога» называет кощунственно издевательскими, их появление в тексте Б. В. Рыбакова считает «поэтическим выкрутасом». Свою точку зрения он обосновывает эмоционально:

«Жаркое оно не бывает. Это жарко тому, кто мечется с вилами у стога, мотается, выбивается из сил. Сено некогда шупать, когда оно сухое. Тут

³¹ Там же.

³² Рыбаков Б. Народный календарь // Уральский следопыт. № 1. 1978. С. 40.

³³ Ф. 41. Оп. 2. Дневник 1975–79 годы. Раздел «Июнь».

³⁴ Там же. Раздел «Июль».

³⁵ Там же. Здесь и далее курсивом помечены строки из статьи Б. В. Рыбакова, на которые откликается в своем дневнике И. П. Максимов.

³⁶ Там же.

мечи, жарь, пока есть сила, пока не свалишься в копну — пока ноги ходят, руки держат. И бывает оно горячим, но не жарким. Жаркий день, а сено жаркое — поэтический выкрутас, заскок.

И еще кощунственная, издевательская мысль: *“прятать лето в душистые стога — самое прекрасное занятие земледельца”*.

Во-первых, мы, сенокосники, не земледельцы, мы — учителя, рабочие, служащие, медсестры, врачи; а не земледельцы. Мы не делаем дел с землей. Это пахари — земледельцы, крестьяне. (Низкий им мой поклон!)

А тебе, Рыбаков, как тунядцу, скажу прямо: не самое и не прекрасное это занятие. Нет!»³⁷.

Б. В. Рыбаков, как автор календарных записок в журнале, по собственному признанию, «десятилетиями» наблюдал за народной жизнью, но, в выражениях И. П. Максимова, «мелет», «кукует», «растекается по мыслену древу». Не пропускает Максимов неточности в записях Рыбакова по срокам созревания ягод в лесу: *«А в это время в лесу (!) поспевают малина, черника (врет — она до малины проходит! Раньше поспевают, смородина — позже малины)»*³⁸. Вот так Игорь Павлович рассорился с корреспондентом «Уральского следопыта». На последующих страницах он еще посердится, поворчит, оставляя после переписанного фрагмента замечания типа: «все у нас розы», «а я не согласен», «ой, ли!?» В итоге даст следующую оценку работе Б. В. Рыбакова: *«Разве так пишут. Пороть задницу за такое писание надо. (Прости меня грешного, Господи)»*³⁹.

Слово Игоря Павловича выросло из других источников. Главными его наставниками были писатели-классики. На этих страницах в пример Рыбакову он приводит строки из А. Н. Некрасова, отсылает к М. Е. Щедрину. Проблема «как описывать предмет» посвящено несколько разделов в созданном им для себя справочном пособии «Энциклопедия творческих откровений» (1985–1990). Другим источником был собственный опыт сельского труда, неотделимый от опыта жизни односельчан: *«Истину своих рассказов я добываю в труде на Кургашле, в школе, в лесу. Они должны быть правдивыми, народными, то есть о народе, о его жизни, мытарствах, о его же и радостях»*⁴⁰. Для иллюстрации писательской манеры И. П. Максимова возьмем фрагмент рассказа «Последний воз», где он описывает, как однажды ставил на ноги лошадь, по его вине упавшую и перевернувшуюся через оглоблю. *«Я опять хватаюсь за хвост и сталкиваю зад с левой оглобли. Выравниваю лошади голову, чуть поднимаю за припряг. Лежит. Оказывается, ее держит воз. Сзади толчками подаю воз вперед, хомут ослаб. Рыжуха поднимается, перебирает передними, упирает к дороге и вскакивает»*⁴¹. Точности в своих рассказах он добивался душевным напряже-

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. Раздел «Июль».

³⁹ Там же. Раздел «Июль».

⁴⁰ Архив ЛНК. Ф. 41. Оп. 2. Энциклопедия... С. 27.

⁴¹ Максимов И. Последний воз. Урал. 1986. 5 мая.

нием («...я хожу с этим словом и тут, и тут, и тут... я все думаю про это слово»), вдумчивым чтением классиков, ночными сидениями: «Иду чистить сарай и думать, как надо писать. Я уже много дней колдую над рассказом»⁴². В дневниках, письмах И. П. Максимова много рассуждений о тайне писания, о точности слова и фразы, много замечаний в адрес прочитанных авторов. Черновик одного из писем адресован поэту А. В. Жигулину, сборник стихов которого «Жизнь, нечаянная радость» был куплен Максимовым случайно «в небольшом поселочке, что стоит на новой ветке Белорецк-Чишмы». Вряд ли Максимов знал о высокой оценке стихов Жигулина критикой («купил и удивился»), в письме же он писал: «Я вчитываюсь в строчки и радуюсь новой встрече. Ни одного “легкого” слова, ни “одной искусственной строки”»⁴³.

Статья Б. В. Рыбакова в журнале «Уральский следопыт» спровоцировала И. П. Максимова на оценку одной из практик массового сочинительства — сочинительства «понаслышке» (И. П. Максимов). Неточности в слове при описании сенокоса рассердили Максимова. В его оценках, в публикации представлена усредненная картина народной жизни, основанная не на внутреннем опыте и знании, а на наблюдении со стороны. Воображаемые и банальные картины труда на покосном поле, не понимание природного порядка дела вызвали его негодование и обратили наше внимание на глобальность и губительность стереотипа⁴⁴.

После чтения дневника Максимова оказались скомпрометированы представленные Б. Рыбаковым идиллические картины труда сенокосца. Для Максимова всякая подробность была наполнена практическими смыслами. В. В. Колесов писал о том, что для русского характера «между словом и делом непременно должна быть своя мысль, “технология” дела, осуществленная в труде»⁴⁵. В замечаниях Максимова — сопротивление размыванию смысла коренных слов. В статье Б. В. Рыбакова он увидел давление стереотипа, к концу XX века «прочно обосновавшегося» в языке и речи профессиональной массовой информации⁴⁶. Непрофессиональный писатель из «страны Ермотания» возвращает к пониманию смыслов народной трудовой деятельности. Трудно отыскать более верного и надежного проводника.

⁴² Архив ЛНК. Ф. 41. Оп. 2. Энциклопедия... С. 309.

⁴³ Архив ЛНК. Ф. 41. Оп. 3. Письмо А. В. Жигулину.

⁴⁴ В предисловии к изданию 1990 года Б. В. Рыбаков писал, что в основе его работы лежат «Месяцеслов» В. И. Даля, журналы: «Наука и жизнь», «Юный натуралист», «Турист», центральные газеты; сведения о животных и растениях он брал из книг М. Д. Зверева, А. И. Стрижева, И. Ф. Заянчковского и др.

⁴⁵ Колесов В. В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. С. 488.

⁴⁶ Силаньев И. В., Шатин Ю. В. Дискурс и стереотип // Критика и семиотика. 2014. № 1. С. 10–17.

Литература

- Колесов В.В.* Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. 624 с.
- Максимов И.* Последний воз. Урал. 1986. 5 мая.
- Максимов И.* Октябрь // Белорецкий рабочий. 1990. 20 октября.
- Максимов И.* Июнь // Белорецкий рабочий. 1991. 30 июня.
- Максимов И.* На грибах // Белорецкий рабочий. 1991. 31 августа.
- Максимов И.* Трубят журавли! // Белорецкий рабочий. 2013. 10 апреля.
- Рыбаков Б.В.* Народный календарь // Уральский следопыт. 1978. № 1. С. 32–49.
- Рыбаков Б.В.* Народный календарь. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1980. 110 с.
- Рыбаков Б.В.* Народный календарь: Нар. приметы, пословицы, поговорки / Худож. Г. Кетов [2-е изд.] Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1990. 269 с.
- Силаньев И.В., Шатин Ю.В.* Дискурс и стереотип // Критика и семиотика. 2014. № 1. С. 10–17.

References

- Kolesov V. V.* Russkaya mental'nost' vazyke i tekste. SPb.: Peterburgskoye Vostokoveden'je, 2006. 624 s.
- Maksimov I.* Poslednyi voz. Ural. 1986. 5 maya.
- Maksimov I.* Oktyabr' // Beloretskij rabochij. 1990. 20 oktyabrya.
- Maksimov I.* Iyun' // Beloretskij rabochij. 1991. 30 iyunya.
- Maksimov I.* Na gribach // Beloretskij rabochij. 1991. 31 avgusta.
- Maksimov I.* Trubjat zhuravli! // Beloretskij rabochij. 2013. 10 aprelya.
- Rybakov B. V.* Narodnyj kalendar' // Ural'skij sledopyt. 1978. № 1. S. 32–49.
- Rybakov B. V.* Narodnyj kalendar'. Sverdlovsk: Sred.-Ural. kn. izd-vo, 1980. 110 s.
- Rybakov B. V.* Narodnyj kalendar': Nar. primety, poslovicy, pogovorki. Sverdlovsk: Sred.-Ural. kn. izd-vo, 1990. 269 s.
- Silan'ev I. V., Shatin Yu. V.* Diskurs i stereoyip // Kritika i semiotika. 2014. № 1. S. 10–17.